

АНРИ ПЕРРЮШО

Мане

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ ХУДОЖНИКОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 75 : 929 Манэ Э.
ББК 85.143(4Фра)-8
П27

Анри Перрюшо
МАНЕ
Henry Perruchot
LA VIE DE MANET

Книга печатается с разрешения
издательства Hachette Livre и литературного агентства Anastasia Lester

Перрюшо, А.

П27 Мане / Анри Перрюшо; пер. с фр. М.Н. Прокофьевой. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с., [16 вкл.] ил. —
(*Вся жизнь в искусстве*).

ISBN: 978-5-17-102362-1

Автор книги — известный писатель Анри Перрюшо, исследователь творчества французских художников-импрессионистов, таких как Поль Сезанн, Огюст Ренуар, Винсент ван Гог, Поль Гоген, Анри де Тулуз-Лотрек, Жорж-Пьер Сера.

Герой этой книги основоположник импрессионизма и один из самых выдающихся живописцев Франции — Эдуар Мане.

Биографии-романы А. Перрюшо всегда достоверны и документированы, но это не мешает им быть живыми и волнующими, ярко воссоздающими облик художников и эпоху, в которой они жили и творили.

В издании представлены наиболее известные картины Эдуара Мане, а также картины других художников.

УДК 75 : 929 Манэ Э.
ББК 85.143(4Фра)-8

ISBN: 978-5-17-102362-1

„LA VIE DE VAN GOGH“ by
Henry PERRUCHOT
© Librairie Hachette, 1955
Все права защищены.
© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие

После Ван-Гога, Ренуара и Тулуз-Лотрека героем четвертой биографии в серии «Искусство и судьба» я выбрал Эдуара Мане, художника, создавшего «Олимпию» и явившегося средоточием той художественной эпохи, историю которой я вознамерился рассказать. Он ее стержень, ее движущая сила. «До Мане», «после Мане» — такие выражения полны глубочайшего смысла. С его именем заканчивается один период и начинается другой. Мане действительно был «отцом» современной живописи, тем, от кого исходил определяющий импульс, повлекший за собой все остальное. В истории искусства удалось бы насчитать совсем немного революций, подобных той, которую совершил он, — революции основополагающей, чреватой целым рядом серьезнейших последствий.

Однако этот революционер не мечтал ни о чем ином, кроме официальных почестей. Буржуа, завсегдатай бульвара, человек тонкого ума, денди, привыкший проводить время в кафе Тортони, приятель дам полусвета — таким был живописец, опрокинувший основы искусства своего времени. Он домогался славы, но славы, связанной с успехами в официальном Салоне. Считалось, что он искал скандальной известности; на самом деле скандалы причиняли ему много горя и страданий. Если что-то и занимало его помыслы, то это жажда наград и медалей.

Подобное противоречие, где весьма парадоксально отражается в человеке простейшая, введенная в моду романтизмом антитеза между буржуа и художником, не преминуло стать поводом для кривотолков. Образ Мане крайне упрощали. При жизни благодаря скандалам, сопутствующим его имени, мастера изображали эдаким представителем богемы, жаждущим популярности самого дурного толка; впоследствии в нем видели просто буржуа, раздавленного непосильной для него судьбой.

Такое категоричное суждение слишком примитивно. Шумиха, сопутствовавшая созданию репутации художника, обусловила те нарочитые преувеличения, которые характеризовали, разумеется, лишь поверхностные стороны его жизни. Но жизнь видимая отнюдь не является подлинной жизнью человека: она всего лишь какая-то ее часть, причем, как правило, не самая значительная. Жизнь Мане далеко не так ясна и очевидна, как о ней думали. Чем больше я изучал ее, тем более сложными и емкими оказывались ее неожиданные глубины, возникало что-то ранее совершенно неведомое, то, о чем не упоминалось и что на самом деле весьма существенно.

Нервный, легковозбудимый, снедаемый скрытым беспощадным недугом, погубившим так много великих художников и писателей прошлого века, Мане был человеком, одержимым творчеством. «Революционер вопреки самому себе»? Да, конечно, но в той только мере, в какой человек наперекор собственному желанию осознает себя самого или скорее принимает на себя то, что ему предназначено. Мане хотел бы для себя успехов Кабанеля, но он не мог писать так, как Кабанель. Он противился своей судьбе, но судьбу эту он нес в себе.

Именно ее, эту судьбу, я и попытался здесь разгадать. В конце книги можно найти библиографические указания, источники, на которые я опирался при описании этой жизни, где, как и в других моих работах биографического плана, всячески старался избежать того, что походило бы на роман. Стремясь как можно ближе узнать этого человека, я максимально умножил поиски материалов. О Мане писали

много; равно много писали и о его современниках. Я заставил себя прочесть все. Труд довольно неблагодарный, зато плодотворный: я собрал жатву среди абсолютно забытых материалов той эпохи.

С другой стороны, необычайно плодотворной оказалась и моя погоня за неопубликованными документами. Этим я во многом обязан любезной помощи многих лиц. Вот почему я не могу не выразить своей бесконечной признательности г-ну Жану Адемару, помощнику хранителя Кабинета эстампов Национальной библиотеки, предоставившему в мое распоряжение важные досье, в том числе неопубликованные документы самого разного характера; все это мне очень помогло в работе. Профессор Анри Мондор тоже с удивительной щедростью передал мне многочисленные неопубликованные документы, связанные с Малларме и Мери Лоран, ряд писем Мане к этой последней, а кроме того, еще несколько писем, адресованных Бертой Моризо Стефану Малларме. Параллельно с этим мсье и мадам Жан-Раймон Герар-Гонсалес, сын и невестка Эвы Гонсалес, передали в мое распоряжение принадлежащие им документы — главным образом переписку Мане с Эвой Гонсалес, Эммануэлем Гонсалесом и Анри Гераром и записную книжку молодого художника; они снабдили меня также бесценными сведениями об Эммануэле Гонсалесе и Феликсе Бракмоне. Мадам Женевьева Э. Оливье-Трузье и мадам Аннет Трузье де Диаз, дочь и внучка Эмиля Оливье, любезно разрешили мне ознакомиться с рукописным «Дневником» политического деятеля; текст этот представил исключительный интерес в связи с путешествием, совершенным Мане в Италию в 1853 году. Мадам Женевьева Э. Оливье-Трузье была так любезна, что пожелала записать специально для меня рассказ о венецианском приключении Мане, неоднократно слышанный от своего отца. Г-н Луи Руар любезно ответил на все мои порой весьма нескромные вопросы, касающиеся Мане, Берты Моризо и их близких. Я должен также поблагодарить г-на Жана Денизе, начальника Архивной службы и библиотек Морского министерства, он охотно содействовал розыску документов, имевших отношение

к кандидатам в Мореходную школу, среди которых в те годы был юный Мане; г-на Мишеля Робиды, уточнившего некоторые сведения относительно Изабеллы Лемоннье, его бабки; г-на Франсиса Журдена, передавшего мне письмо Клода Моне по поводу «Олимпии».

Я приношу всем свою глубочайшую благодарность.

А. П.

Часть первая

В ЛОНЕ СЕМЬИ

(1832—1853)

ЧАСЫ БЕРНАДОТА

Только сын девы Марии может быть
и оставаться хорошим учеником.

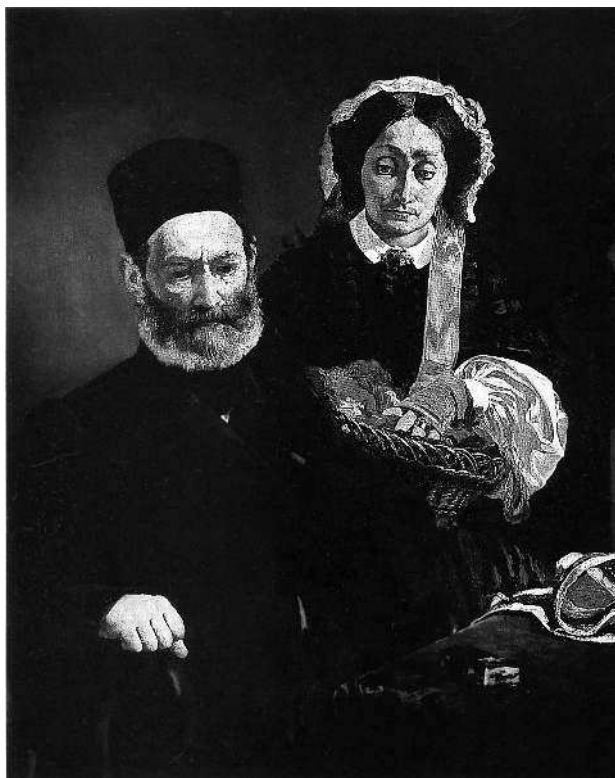
*Роже Пейрефитт. Дружба особого рода
(Слова папаши Лозона, преподавателя
математики)*

*И*так, мы в Париже 1840 года. Каждый день, в один и тот же час, мужчина, одетый в наглухо застегнутый сюртук с ленточкой Почетного легиона в петлице, проделывает неизменный путь от нижней части улицы Птиз-Огюстэн¹ на левом берегу Сены до дома номер 22 по улице Нев-Люксембург² на правом берегу, где находится бюро Министерства юстиции.

Жители набережных и хозяева лавок, расположенных в аркадах улицы Риволи, могли бы при его появлении проверить часы, как делали это жители Кенигсберга при виде Эммануила Канта. Привычки философа были столь же незыблемы, что и привычки этого человека с серьезным лицом, грустными глазами, с черным галстуком, завязанным бантом, на котором покоится густая, уже седеющая борода; он движется не без торжественной надменности, всегда одинаково ровной походкой. Ничто не отвлекает его внимания. Ничто и никогда не заставляет его замедлить или ускорить шаг, хоть как-то отклониться от заданного пути. Мужчина этот — начальник кабинета хранителя печатей, г-н Огюст Мане. Образцовый чиновник, он быстро поднялся по ступе-

ням административной иерархии. В возрасте тридцати трех лет, еще до падения Карла X, он уже был начальником отделения в Министерстве юстиции. Июльская монархия тоже ему благоволила.

Родившемуся в конце прошедшего века — 14 фрюктидора IV года³ — Огюсту Мане сейчас сорок четыре года. Однако благодаря серьезности, осанке, высокой должности ему можно дать куда больше, как, впрочем, и многим его современникам. Ведь понятия возраста относительны. В своих колебаниях они подчиняются чему-то такому, что связано с модой. В 1840-е годы прошлого столетия те, кто едва распрощался с отрочеством, держали себя как зрелые люди.

Эдуар Мане. Портрет господина и госпожи
Огюст Мане.

В театральном репертуаре тридцатилетних называли «старыми развратниками»⁴. Борода не зря отличает буржуа от лакея; она ведь еще и признак респектабельности. Г-н Мане должен был очень рано казаться «мужчиной в возрасте».

Он принадлежит к семье, происходившей из Иль-де-Франс; ее сыновья по традиции вот уже двести лет занимают более или менее важные официальные должности. В числе его предков архивы XVII и XVIII веков упоминают секретаря суда, прокурора и судью; расположенный неподалеку от Мант-ля-Жоли городок Эпон, где они жили, так и хочется назвать колыбелью клана Мане. Другие его члены в недавнем прошлом были: один прокурором в Большом совете, другой — казначеем Франции в канцелярии Алансона, третий — войсковым казначеем в Кале. Отец г-на Мане, умерший в 1814 году, едва достигнув пятидесятилетия, одно время был юристом в Париже, а в год революции стал мэром Женвилье, где из поколения в поколение члены семьи Мане наследуют великолепные имения. Инициативный от природы, прекрасный администратор, он много сделал для этих мест⁵, особенно когда затеял большие осушительные работы (из-за близости к Сене климат Женвилье отличается чрезмерной влажностью, поэтому почти все представители семейства Мане страдали ревматизмом).

В 1831 году, теперь вот уже девять лет, Огюст Мане женился — не по любви, просто повинувшись тому, что принято, ибо для чиновника его положения предпочтительнее быть женатым, — на девице Эжени-Дезире Фурнье, которая была на четырнадцать лет его моложе и от которой он имел троих детей: мальчиков — он предпочел бы девочек, они спокойнее.

Он живет со своими домочадцами на улице Птиз-Огюстэн в доме 15 на третьем этаже; величественные ворота ведут в большой двор; позади него густой старый сад. Здесь обитают и другие его родственники, в частности один из его шуринов, Эдмон-Эдуар Фурнье, артиллерийский офицер и адъютант герцога Монпансье, а также один из племянников, метр Жюль де Жуи, блестящий адвокат двадцати шести лет от роду, родственник известного литератора

Виктора-Жозефа Этьенна, прозванного де Жуи, чьи шумные успехи в литературе и театре удостоили его чести быть избранным в 1815 году во Французскую академию.

В общем, все Мане буржуа весьма зажиточные. После смерти отца Огюст Мане получил свою долю наследства (у него две сестры): 63 гектара земли и дома в коммунах Женвилье и Аньер. Он оставил за собой только маленькое имение, куда наезжает летом с домочадцами; остальное сдаю внаем. К его собственным доходам присовокупляются доходы супруги; она, в свою очередь, была отнюдь не бедной. Одним словом, семья располагает по меньшей мере 25 тысячами франков в год⁶, что позволяет отнести ее к классу типичной средней буржуазии.

Г-н Мане ведет жизнь, обычную для людей его положения. Дважды в неделю он «принимает». Обычай довольно тягостный, ибо ничто не удручает его больше, чем обязанность по долгу службы приглашать за свой стол официальных лиц. К тому же, но в глубине души, он не одобряет в отличие от своего шурина-офицера политику июльского режима. Поддерживать отношения со своими коллегами старается как можно меньше. Он чувствует себя хорошо только среди нескольких друзей: это г-н Дефоконпре, переводчик Вальтера Скотта, который возглавляет коллеж Роллен, тот самый, что позади Пантеона; это г-н Пелла, преподаватель факультета права, и доктор Маржолэн. Возможно, он дорожит также и знакомством с довольно многочисленными лицами духовного звания, и они не упускают случая постучаться в его дверь. В самом деле, разве некая Агата Мане не была монахиней в монастыре Богоматери?

Итак, семейство Мане живет довольно замкнуто. Позже, когда старшему из сыновей, Эдуару (его с рождения прочили в магистратуру), исполнится семнадцать лет и волею случая ему придется познакомиться с сыном модистки, юноша будет крайне этим изумлен. «Пусть тебя не пугает это слово — „модистка“, — поспешит написать он матери, — право же, эта женщина совсем не похожа на себе подобных, а ее сын, ученик коллеги Жоффруа, просто очаровательный юноша и куда благовоспитаннее, чем многие из нас, поверь. И все

же признаюсь, что оказаться в первое свободное от занятий воскресенье в лавке модистики было довольно странно».

В 1840 году старшему сыну было всего восемь лет. Он родился 23 января 1832 года в семь часов вечера и вырос в этой довольно утрюмой квартире, которую он и его братья, Эжен семи лет и Гюстав пяти лет, наполняют, по мнению г-на Мане, излишним шумом. Полупансионер в заведении каноника Пуалу в Вожираре, Эдуар там смертельно скучает. На уроках ему совсем неинтересно; скорее бы пришла няня, скорее бы вернуться на улицу Птиз-Огюстэн, вновь обрести материнский кров — мать он обожает, — и братьев, и кузенов Фурнье.

Самые лучшие минуты наступают по вечерам, когда дядюшка Фурнье (а он к тому же и его крестный) коротает досуг вместе с родителями Эдуара и другими завсегдатаями дома — это происходит довольно регулярно. Пока дамы рукодельничают, а мужчины беседуют, дядюшка Фурнье — низенький, дородный, добродушный толстяк со смеющимся лицом и маленькой бородкой — забавляется, вынув из кармана блокнот для рисования: делает наброски. Обязанный, как и другие артиллерийские офицеры, уметь рисовать по причинам профессиональным, «чтобы зафиксировать укрепления, местонахождение и позиции противника»⁷, дядюшка Фурнье питает к карандашу подлинную страсть.

Образованный, с тонким вкусом, Фурнье по-настоящему любит искусство, хотя в присутствии своего деверя почти не рискует заговаривать на подобные темы. Чтобы наблюдать за дядюшкой, Эдуар тут же оставляет все игры. Он и сам не прочь сделать несколько штрихов по бумаге. Мгновенно сосредоточившись, он прислушивается к советам, начинает сызнова, кое-что исправляет, овладевает перспективой.

Но время бежит. Г-н Мане, который не устаивает вниманием все эти пустые забавы, взглядывает на большие часы с колонками, стоящие в гостиной на камине между двумя массивными канделябрами; пора спать.

Утвержден новый хранитель печати; г-н Мане оставил министерское бюро — его самого назначили на должность

судьи в суде первой инстанции департамента Сены. Он испытывает чувство удовлетворения: наконец-то освободился от зависимости, так его тяготившей.

В настоящее время г-н Мане имел бы все основания считать себя довольным судьбой, если бы Эдуар, его старший, не причинял столько огорчений. Эдуар не трудится. Ни малейших успехов. Не то чтобы он ученик недисциплинированный, но вечно какой-то рассеянный, равнодушный. Впрочем, учителя из заведения Пуалу слишком к нему снисходительны — быть может, оттого, что он так располагает к себе? При всей своей суровости г-н Мане конечно же не бессердечен. Он ни в коем случае не хотел бы притеснять этого ребенка. Но все-таки интернат будет ему полезнее. Короче, невзирая на испытываемые в этот момент сожаления, г-н Мане решает забрать сына из учебного заведения Пуалу и поместить на полный пансион в коллеж Роллен — тот самый, где начальствует его друг г-н Дефоконпре.

Эдуар — ему теперь уже двенадцать лет — не испытывает никакой радости, узнав об уготованном ему новом образе жизни. Прощайте, милые сердцу вечера, когда он коротал время подле дядюшки Фурнье. Эдуару разрешено покидать стены коллежа только по четвергам и воскресеньям; к тому же право на это он должен заработать сравнительно приличными оценками.

По правде говоря, ничего в нем нет привлекательного, в этом коллеже Роллен на улице Пост⁸, куда в октябре 1844 года Эдуар поступил в пятый класс. Хотя он и считается одним из самых «аристократических»⁹ учебных заведений Парижа, этот бывший монастырь августинцев слишком уж напоминает о прошлом: ведь при монархическом режиме там было исправительное заведение, куда принудительно заключали особ женского пола.

Низкие, слабо освещенные залы. Глазу остановиться не на чем: хоть бы какая-нибудь гравюра, даже географической карты нет, ученикам тесно, они «стиснуты как сельди в бочке»¹⁰, пюпитры давят на грудь. Вечерами коптит скверный кинкет: света от него ничтожно мало, зато воздух наполняется зловонием.

С самого начала занятий г-н Дефоконпре — а он очень привязан к Эдуару — старается успокоить родителей относительно способностей их сына. «Знания этого ребенка слабы, — пишет он в своих заметках, — но он усерден, и мы надеемся, что он будет успевать». Слабы, это верно. По всем предметам он плетется в хвосте пятого класса. Вот, к примеру, латынь: среди шестидесяти двух учеников он ни разу не занял места ближе сорок второго, а порой скатывался даже до пятидесят седьмого. И так почти по всем предметам. Только однажды по латинскому переводу ему удалось выйти на шестое место — это его лучший результат за весь год, — но после следующей контрольной работы он снова на пятьдесят втором месте¹¹. Что касается слова «усердие», так любезно употребленного г-ном Дефоконпре, то это, пожалуй, сильно сказано. Кроме гимнастики — да, там он среди лучших — и еще, конечно, рисунка, чем еще интересуется Эдуар? Историей? Порою хочется верить, что это действительно так, но чаще, пока г-н Валлон¹² ведет занятие, Эдуар украдкой почитывает что-нибудь постороннее.

И к сожалению, в июльских заметках г-н Дефоконпре будет вынужден почти признать, что покровительствуемый им ученик не отличался чрезмерным «усердием». Его продвижение было «в итоге немного медленно»; разумеется, он проявил «достаточно доброй воли», но все же «хотелось бы видеть больше рвения и энергии». В конечном счете юный Эдуар останется в пятом классе на второй год.

Вряд ли г-н Мане был слишком доволен. Как непохож на него этот беззаботный, легкомысленный ребенок! Может, он больше походит на родственников по линии Фурнье? Кто знает? Ведь родственники по материнской линии и впрямь не отличаются слишком-то уравновешенным темпераментом; в отличие от представителей семьи Мане они импульсивны, восприимчивы, склонны к авантюрам. Брат мадам Мане, кирасирский лейтенант, вспыльчивый задира, убит на дуэли. Ее дед Делану (ведущий свое происхождение от той династии Делану родом из Пуату, которая еще со времени Генриха III и на протяжении всего старого режима давала королям камердинеров) в годы революции нажил благодаря спекуляциям кругленькое состояние, но затем его по-